

ATTITUDE OF LEGAL POLICY TO
NATIONAL CULTURE IN RUSSIA AND
ABROAD

R.V. Puzikov, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor
Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Russia

The paper is related to problems of the national culture in Russia and issues of legal policy in the sphere of its implementation and development. Using the method of comparative law, the author analyses the peculiarities of legal regulation of such a specific component of national culture as religion in the legislation of Russia and foreign countries. Special attention is paid to the correlation of the principle of freedom of religion and the principle of national identity.

Keywords: legal culture, national culture, national idea, Orthodoxy.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ К
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ В РОССИИ
И ЗА РУБЕЖОМ

Пузиков Р.В., канд. юрид. наук, доцент
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, Россия

Статья посвящена проблемам национальной культуры в России и вопросам правовой политики в сфере ее реализации и развития. Используя метод сравнительного права, автор анализирует особенности правового регулирования такой специфической составляющей национальной культуры как религия по законодательству России и зарубежных стран. Особое внимание уделяется вопросу соотношения принципа свободы вероисповедания и принципа национальной самобытности.

Ключевые слова: правовая культура, национальная культура, национальная идея, православие.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ejm.v0i12.1622>

Пожалуй, нет ни одного другого государства в мире, которое бы также как и Россия не любила свою историю, свою самобытность, национальную ментальность и культуру. К сожалению, современная правовая политика России в своем стремлении к тотальному подражанию западу напроочь отказывается от своих национальных корней. Как отметит Г.А. Сагтаров: «Одна из крупнейших ошибок первой демократической волны состояла как раз в небрежном, абсолютном безграмотном отношении к прошлому. Ибо так с человеческим прошлым обходиться нельзя».

В том числе заслуживает критики отношение российской правовой политики к исконно российской религии – православию. В отечественной истории отмечается влияние государственной религии на внутреннюю и внешнюю политику страны. «Влияние церкви на политику государства удельного периода отечественной истории напоминает, образно говоря, общение мудрого наставника с неразумными отроками, которое в силу своего возраста еще не в состоянии «держать себя в руках»» [1, с. 122]. Как видим по прошествии многих лет ситуация менялась с точностью до наоборот. Конституция Российской Федерации закрепила свободу вероисповедания, полностью отрекшись от Православия как государственной религии.

Сегодня, закрепив свободу вероисповедания и выбора религии, Россия отрывается от своей истории. Пустив формирование духовного мировоззрения своих граждан на самотек, государство рискует подрывом безопасности как национального государства, в котором духовная культура страны предопределяет развитие государственных идей и институтов [2, с. 225].

Боле того рядом ученых это расценивалось как наибольшее достижение конституционного права. В частности, А.А. Мишин писал: «Конституционный патриотизм – основа любого духовного патриотизма. Конституция 1993 г. дает в этом смысле России уникальный шанс на духовное развитие в XXI столетии. В нашей стране, где 70% населения – атеисты, только Конституция и ее ценности могут стать базой, основой и центром духовного и интеллектуального (а значит, и экономического) развития государства и общества» [3, с. 18]. Даже в США, где религиозное население разных конфессий составляет свыше 80%, объединяющей всех и самой высокой ценностью является почтение к Конституции. «Церковь Конституции – доминирующая религия в Америке» [4]. Совсем кощунственными звучат слова А.А. Мишина, что «атеисты и верующие любых конфессий в развитых странах признают за Конституцией статус высшей духовной ценности страны».

Как отмечает Р.В. Насыров: «сама

постановка вопроса о том, что в Конституции России необходимо отразить собственные фундаментальные, в том числе и религиозные ценностные установки (разумеется, речь не идет о конкретных религиозных нормах и учреждениях) до сих пор кажется недопустимой» [2, с. 16]. Строя свои доводы на якобы выработанных постулатах зарубежных Конституций и прежде всего Конституции США. Так наиболее важные нормы, регламентирующие гражданские права и свободы, содержатся в первой поправке к Конституции США, регламентирующей свободу религии, слова, печати, собраний. Она гласит: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание либо ограничивающих свободу слова и печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [5, с. 206]. Но редко обращают внимание, что в часто приводимой в качестве образца Конституции США 1787 г. опосредованно отражены религиозные ценности в их особой протестантской трактовке. Г. Елинек пишет: «Республиканские государства в Новой Англии создаются под влиянием представления, что в силу Божественного порядка высшая церковная власть, как и политическая, должна принадлежать народу» [6, с. 199]. Так или иначе, но до сих

пор высшим подтверждением правдивости участников судебных разбирательств в США выступает принесение клятвы на Библии, причем нарушение этой клятвы выступает одним из наиболее серьезных правонарушений. Подобного рода скрытые проявления лояльности к отдельным конфессиям можно обнаружить при анализе основных законом достаточно большого числа стран.

Бесспорно, термин «светская республика» означает, что государство признает все вероисповедания и провозглашает свободу совести. Впервые этот принцип был закреплен во Франции законом от 9 декабря 1905 г. В то же время нельзя утверждать, что государство сохраняет нейтралитет по отношению к религии. Например, в исторических провинциях — Эльзасе и Лотарингии церковь имеет конкордатный режим; здесь применяются положения уголовного кодекса к священнослужителям, совершающим обряд бракосочетания до гражданской регистрации брака. Кроме того, в соответствии с законом М. Дебре от 31 декабря 1989 г. (назван по имени его инициатора) религиозное обучение в школе предлагается всем детям в государственных школах, если родители не требуют иного и государство принимает меры для предоставления такого образования. Государство оказывает финансовую помощь частным школам, в подавляющем большинстве являющимися конфессиональными, поддерживаемыми католической церковью [7, с. 47].

В ст. II Конституционного акта Великобритании закреплено положение, согласно которого — *«престол Соединенного королевства Великобритании и доминионов переходит после смерти королевы Анны, в случае отсутствия у нее потомства, к принцессе Софии, избирательнице и вдовствующей герцогине Ганновера, и ее потомству протестантского вероисповедания»* (курсив Р.П.), *право на престолонаследие которой установлено Актом об устройении от 12 июня 1701 года, с исключением католиков и лиц, вступивших с ними в брак...* (курсив Р.П.)» [8, с. 38].

В ст. 8 Конституции Итальянской Республики одновременно провоз-

глашая принцип — «Все религиозные исповедания в равной мере свободны перед законом», одновременно отмечается, что *«Некатолические»* (курсив Р.П.) *вероисповедания имеют право создавать свои организации согласно своим уставам, поскольку они не противоречат итальянскому правовому порядку», а «Их отношения с государством определяются законом на основе соглашений с органами, представляющими эти вероисповедания»* [7, с. 38], тем самым косвенно подчеркивая превалирование католической церкви.

При этом п. 3 ст. 16. 1. говоря, что «Никакое верование не может иметь характера государственной религии» отмечает, что *«Публичные власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с католической церковью и другими конфессиями»* (курсив Р.П.) [7, с. 38].

Конституция Республики Греция (от 9 июня 1975 г.) Глава 3. Обязанности и права депутатов, Статья 59. 1. До вступления в должность депутаты принимают следующую присягу перед Палатой депутатов на открытом заседании: *«Я клянусь именем Святой, единосущной и нераздельной Троицы»* (курсив Р.П.) *быть верным Родине и демократическому режиму, соблюдать Конституцию и законы и добросовестно выполнять свои обязанности»,* оговаривая в п.2, оговариваясь, что *«Депутаты, имеющие другую религию или вероисповедание, принимают присягу по формуле, установленной их религией или вероисповеданием»* [7, с. 175].

Конституционный акт 1867 г. (год 30 и 31 правления Виктории, глава 3, с последующими изменениями) Акт о Союзе Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика, об их управлении и связанных с этим предметах (27 марта 1867 г.) в разделе Просвещение, ст. 93. подчеркивает, «Законодательство в области просвещения. В каждой провинции законодательное собрание имеет исключительное право издавать законы в отношении просвещения согласно и с соблюдением следующих положений:

(1) Ничто в таких законах не долж-

но наносить ущерба каким-либо правам или привилегиям, действовавшим ко времени образования Союза и в отношении школ для отдельных вероисповеданий какой-либо категории лиц в провинции и содержащимся в каком-либо законе.

(2) Все права, привилегии и обязанности, предоставленные или предписанные законом в Верхней Канаде ко времени учреждения Союза в отношении отдельных школ и школьных попечительств римско-католических подданных Ее Величества, будут оставаться в силе и распространяться также на диссидентские школы протестантских и римско-католических подданных Королевы в провинции Квебек.

Как видим большинство стран, одновременно провозглашая свободу существования различных вероучений, одновременно подчеркивают национальную религию, тем самым чтя свои культурные традиции. Мы должны понимать, что «всякая культура — это культура духа. Всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт работы духа над природными стихиями. Современную правовую культуру можно уподобить механической памяти, производящей информацию о нормах поведения» [2, с. 63], и хотим мы того или нет но исконно русской религий было православие, именно с православием ассоциируется Россия в мировом сообществе. Более того, именно православие испокон веков выступало оплотом российской государственности. В православии взаимоотношение государства и народа понимается и ощущается иначе, что проявляется в самом стиле легитимации (но не легализации) государственной власти и в современной России. Этот стиль в своей основе потенциально не является менее демократичным по сравнению с более прагматическим протестантским учением о государстве.

В связи с этим при формировании российской правовой политики следует учитывать, что «возродиться Россия должна на традиционных основах, в том числе правовых. Сегодня налицо столкновение глобального, универсаль-

ного и стандартизирующего начала с национальным, самобытным» [2, с. 11]. Как представляется, если Россия сможет уберечь свою самобытность, как современный Китай, например, она, также сможет предложить миру пути выхода из общего кризиса. Например, Япония в отличие от России в условиях тесного и неизбежного диалога с Западом сумела «ускользнуть от его идеологического «патронажа» и осуществила модернизацию с учетом особенностей своей культуры. А. Сен констатирует влияние конфуцианской этики, самурайской культуры, сочетание чувства долга с атмосферой конкуренции в японском обществе: «Некоммерческие мотивации, нередко присутствующие в экономической и деловой активности японцев... мотивационная структура отклоняется в некоторых существенных моментах от простого преследования личного интереса, который – как нам твердят – является краеугольным камнем капитализма» [2, с. 33].

При формировании правового государства следует учитывать, что нам не присуще западные традиции индивидуализма и определяющей ролью формального права в регулировании общественных отношений, в российских традициях и менталитете четко просматриваются чувство коллективизма (коллектива), «недифференцированностью правовых и нравственных регуляторов» [2, с. 28] и т.д. Особенно ярко негативный результат отсутствия должного уважения и внимания к отечественной истории проявляется в состоянии российского права. Известный американский компаративист К. Осакве так определяет первую аксиому сравнительного правоведения: «Право, как язык и музыка, есть нормативное выражение истории, психики, психологии, традиций и культуры каждого народа (нет и не может быть двух идентичных национальных правовых систем в мире)» [9, с. 21].

Современное состояние науки о государстве и праве свидетельствует, что в России начала XXI века «отсутствует собственная, самобытная и оригинальная философско-правовая мысль» [10, с. 4], патриотическая

идеология, черпающая свои основы в живом духовно-нравственном сознании русского народа. Политические реформы проводятся по шаблонам чужого, иностранного бытия не соответствующего правовой культуре большинства российских граждан. «И соответственно правильная ли демократии в нашей стране, правовое ли государство у нас – судить уже не нам, а тем, кого мы взяли за образец... Так бывает, когда игнорируется собственная история и собственные образцы» [11, с. 210].

Осуществляя такую политику, Россия полностью абстрагируется от понятия «государственный патриотизм». Насыров Р.В. исключает, что «государственный патриотизм применительно к России возможен и в рамках «безрелигиозного» мировоззрения и общества, опираясь на историю отечества XX века демонстрирующая, что такой патриотизм не может стать основой сохранения многовековой цивилизации и ее устойчивого развития применительно к России» [1, с. 129].

Личность есть цель правовой политики. Однако и сама правовая политика создает (точнее сказать, должна создавать) условия для самореализации личности, осуществления ее прав и свобод и, прежде всего, правовыми средствами [12, с. 88]. Когда речь идет о сильном государстве как основной движущей силе, главным факторе эффективности государственности, имеются в виду, прежде всего, такие ее структуры и механизмы, которые в состоянии дать и бесповоротно, навсегда закрепить реальную возможность (курсив Р.П.) гражданам и их объединениям эффективно влиять на деятельность государства [12, с. 89].

Современная правовая политика в лучших национальных традициях занимается самовнушением и самообманом. Мы решили путем закрепления на бумаге, что полностью отошли от советской идеологии и прочно стоим на «рельсах» демократии. Однако это не значит, что таких же взглядов придерживаются и другие страны. Показательно в этой связи, что «в ходе встречи китайских ветеранов Второй мировой войны

и президента Дмитрия Медведева дочь великого кормчего – Ли Минь – призналась высокому гостю из России: – Мы всегда преклонялись перед товарищем Сталиным, но ни у кого из нас не было возможности с ним сфотографироваться. Сейчас мы дождались президента России, так что хотим сфотографироваться с вами на память. Вы для нас символ страны, принесшей нам коммунизм, марксизм и сталинизм!» [13]. Холмс С. Отмечает, что «на протяжении полувека Советский Союз не только был для нас главным военным соперником, но и выполнял в идеологической и политической системе отчета роль «инога». И левые, и правые в Америке отставивали свои концепции свободного общества (при всем их различии), отталкиваясь от сталинского кошмара. С этой точки зрения «холодная война» оказала глубокое формирующее влияние на нашу политическую философию. Можно даже сказать, что «холодная война» и была нашей политической философией (...)» [14].

По знаменитой формуле Мэдисона, употребленной в «Федералисте», конституционные ограничения государственной власти предполагают, что «прежде всего надо обеспечить правительству контроль над управляемыми». Если представителей власти можно одолеть силой или подкупить, энергия частного предпринимательства может приобрести патологические формы (...)» [15, с. 34].

В этой связи, на примере нынешней России становится до боли ясно: «...несостоятельность государства угрожает либеральным ценностям столь же серьезно, как и деспотическая власть. «Разгосударствление» не столько разрешает проблемы, сколько их порождает. Ибо без действенной государственной власти не будет ни предотвращения общественного вреда, ни личной безопасности. Права, записанные в брежневской конституции 1977 года, не были защищены из за репрессивного характера государства. Права, записанные в ельцинской конституции 1993 года, не могут быть обеспечены из за отсутствия у государства воли и средств» [15, с. 36].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что «у каждого народа есть некий политико-культурный генотип, который как бы передается по наследству от поколения к поколению и оказывает определяющее воздействие на политические реальности, на отношения индивида, общества и государства. Разумеется, такой генотип характерен и для России» [16, с. 253], и одной из таких генотипов выступала, должна выступать и как нам представляется будет выступать именно православная культура.

Национальная политика охватывает все сферы жизни общества и решает его стратегические задачи. Как относительно самостоятельная деятельность, она включает в себя систему мер, направленных на учет и реализацию национальных интересов. Главным содержанием национальной политики является отношение к общности, расхождению и столкновению национальных интересов, а также поиск и реализация наиболее благоприятных вариантов взаимодействия субъектов межнациональных отношений. «Общность присуща как интересам отдельных субъектов межнациональных отношений, так и собственно национальным их интересам, с одной стороны, и общенациональным в масштабе государства, с другой. При переплетении национального и политического расхождение национальных интересов, может перерасти в их столкновение, конфликт. Поэтому необходима координация национальных интересов как предпосылка их реализации. И здесь важно управление интересами и через интересы национальностей. А национальные проблемы проявляются в экономической, социальной, политической, духовной и других сферах» [17, с. 158], национальная политика должна учитывать не только анализ диалектики национальных интересов в их конкретности, но также и учитывать меняющиеся национальные настроения.

Правовая политика является важнейшим инструментом формирования надежной и стабильной системы обеспечения национальных интересов Российского государства.

Полемика по поводу сущности данных интересов, их направленности и идеологической адекватности продолжается уже более двадцати лет – с началом реформ политической и правовой системы. При этом отечественная научная мысль оказалась перед сложным выбором: проводить реформы по стандартам западных индустриальных государств либо осуществлять модернизацию российской государственности с поправкой на самобытность и поиск собственного пути. Иными словами, в настоящее время вновь актуализировался вопрос, которым задавались еще в XIX столетии славянофилы и западники, либералы и почвенники, реформаторы и консерваторы: по какому пути развиваться России. Между тем ответ на него зачастую дается «без учета государственно-правовых аспектов общественно-политического реформирования: реализация задуманных реформ происходит посредством правовых инноваций и с помощью правовой политики, однако соответствие последней национальным правовым традициям практически не рассматривается как наиважнейшее условие стабильного государственного развития. Вне поля зрения остается и тот факт, что обусловленность правовых новелл национальным менталитетом, принципом культурно-исторической преемственности предопределяет эффективность и успешность осуществления планируемых проектов трансформации тех или иных сфер общественной жизни» [18, с. 3].

Право служит не только средством регулирования общественной жизни, но и защиты национальной культуры. Речь здесь идет о комплексном, адекватном реагировании на вызовы, которые несут угрозу российскому обществу процессами глобализации, интернационализации преступности. Кроме того, право, будучи частью культуры народа, важным элементом национально-культурного мировоззрения, «стереотипом поведения», по Гумилеву, само нуждается в защите от унификации и универсализации, стирания этнокультурных различий в процессе государственного строительства.

В России проживает множество различных народов, и их самобытность, культурное своеобразие не должны исчезнуть в ходе формирования стабильной правовой системы, а властные институты, правовые и религиозные нормативные комплексы данных этносов должны выступать ее органической частью [18, с. 3].

Правовая политика, соответствующая признанным в Концепции национальной безопасности Российской Федерации национальным интересам в духовной сфере, состоящим в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма, культурного потенциала страны, представляет собой деятельность государственной власти по формированию национальной правовой системы на принципах социокультурной преемственности, консерватизма и державности. Современная отечественная правовая политика предлагая западные культурные образцы правовой организации общественной жизни в качестве идеала, характеризуется поспешностью и не учитывает национальные особенности, политико-правовую самобытность российского общества, его культурные традиции, этническое многообразие, поскольку Российское право – это реально существующие особенности российского правового сознания и бытия, которые, к сожалению до сих пор, не нашли полного и адекватного отражения в законодательстве и правовой политике России.

References:

1. Nasyrov R.V. Hristianskaja traktovka sushhnosti gosudarstva [Christian interpretation of the essence of the state]., Rossijskaja gosudarstvennost': istorija, sovremennost' i perspektivy globalizma [Russian statehood: history, modernity and the prospects of globalism]., Edited by V.Ja. Muzjukina, V.V. Sorokina. – Barnaul., 2009.
2. Rossijskaja pravovaja kul'tura kak al'ternativa ideologii globalizma: Mezhhuzovskij sbornik trudov [Russian legal culture as the alternative to the ideology of globalism: Interuniversity

collection of papers], Edited by V.V. Sorokin. - Barnaul, 2010.

3. Mishin A.A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran., uchebnik dlja VUZov [Constitutional (state) law of foreign countries., Textbook for high schools], Issue 14, pererabotannoe i dopolnennoe [Revised and extended]. - Moscow., 2000.

4. Financial Times. 11 January 2004.

5. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran [Constitutional law of foreign countries], O.V. Afanas'eva, E.V. Kolesnikov, G.N. Komkova, A.V. Mal'ko; Pod obshh. red. d. ju. n., prof. A.V. Mal'ko [Under the general editorship of Doctor of Law, Professor A.V. Malko]. - Moscow, Norma, 2004., (Serija uchebno-metodicheskikh kompleksov [A series of educational and methodical complexes]).

6. Ellinek G. Obshhee uchenie o gosudarstve [General doctrine of the state]. - St. Petersburg, «Juridicheskij centr Press» [Legal Center Press], 2004.

7. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Uchebnoe posobie [Constitution of foreign states: Textbook], Compiled by Professor V.V. Maklakov — 2-e izd., isprav. i dop. [2nd edition amended and extended]. - Moscow, BEK Publishing House. 1999.

8. Konstitucionnye akty Velikobritanii Akt o soedinenii s Shotlandiej 1707 g. (Izvlечение), Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Uchebnoe posobie. [Constitutional Acts of Great Britain The Act on Connecting with Scotland in 1707 (Extract), The Constitution of Foreign States: Textbook.], Sost. prof. V.V. Maklakov — 2-e izd., isprav. i dop.— Moscow, Izdatel'stvo BEK. 1999.

9. Osakve K. Sravnitel'noe pravovedenie v shemah: Obshhaja i Osobennye chaste [Comparative jurisprudence in the schemes: General and Special parts]. - Moscow., «Delo», 2000.

10. Ovchinnikov A.I., Ovchinnikova S.P. Evrazijskoe pravovoe myshlenie [Eurasian legal thinking]. - Rostov-na-Donu., 2001.

11. Dibirov A. Teorija politicheskoj legitimnosti: kurs lekcij [The theory of political legitimacy: a course of lectures]. - Moscow., 2007.

12. Zatonskij V.A. Lichnost' – sushhnostnyj kriterij pravovoj politiki [Personality - the essential criterion of legal policy], Doktrina prava [Doctrine of law], No. 1-2 (2-3). – 2009. - Tambov-Saratov.

13. Doch' Mao Czeduna nashla simvol Rossii [Mao Zedong's daughter has found the symbol of Russia], Delovoj vtornik [Business Tuesday]. - 2010., No. 33 (762), 5 October.

14. Holms S. Chemu Rossija učit nas teper'? [What does Russia teach us now?], Pro et contra, 1997, No. 4.

15. Vsja politika. Hrestomatija [All politics. Reader], sostaviteli [Compilers]: V.D. Nechaev, A.V. Filippov. - Moscow., Publishing house «Europe», 2006. - (Politucheba).

16. Gadzhiev K.S. Vvedenie v politicheskiju nauku: Uchebnik [Introduction to Political Science: a Textbook]. - Moscow., 1999.

17. Gosudarstvennoe upravlenie i politika: Uchebnoe posobie [Public Administration and Politics: Tutorial], Pod red. L.V. Smorgunova. - St. Petersburg. Publishing house of the St. Petersburg University, 2002.

18. Manastyrnij A.V. Pravovaja politika v nacional'no-kul'turnom prostranstve Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk [Legal policy in the national cultural space of Russia: The thesis by the Candidate of Jurisprudence]. - Rostov-na-Donu., 2007.

Литература:

1. Насыров Р.В. Христианская трактовка сущности государства., Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма., Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Сорокина. - Барнаул, 2009.

2. Российская правовая культура как альтернатива идеологии глобализма: Межвузовский сборник трудов., Под ред. В.В. Сорокина, Барнаул, 2010.

3. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран., учебник для ВУЗов Издание 14-е, переработанное и дополненное. - М., 2000.

4. Financial Times. 11 January 2004.

5. Конституционное право зарубежных стран., О.В. Афанасьева,

Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, А.В. Малько; Под общ. ред. д. ю. н., проф. А.В. Малько. - М., Норма, 2004., (Серия учебно-методических комплексов).

6. Еллинек Г. Общее учение о государстве. - СПб., «Юридический центр Пресс», 2004.

7. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие., Сост. проф. В.В. Маклаков — 2-е изд., исправ. и доп. - М., Издательство БЕК. 1999.

8. Конституционные акты Великобритании Akt o soedinenii s Shotlandiej 1707 g. (Izvlечение), Конституции зарубежных государств: Учебное пособие., Сост. проф. В.В. Маклаков — 2-е изд., исправ. и доп.— М., Издательство БЕК. 1999.

9. Осакве К. Сравнительное право-ведение в схемах: Общая и Особенные части. - М., «Дело», 2000.

10. Овчинников А.И., Овчинникова С.П. Евразийское правовое мышление. - Ростов н/Д., 2001.

11. Дибиров А. Теория политической легитимности: курс лекций. - М., 2007.

12. Затонский В.А. Личность – сущностный критерий правовой политики / Доктрина права. № 1-2 (2-3). – 2009. - Тамбов-Саратов.

13. Дочь Мао Цзедунa нашла символ России., Деловой вторник. - 2010., № 33 (762), 5 октября.

14. Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Pro et contra, 1997, №4.

15. Вся политика. Хрестоматия., сост.: В.Д. Нечаев, А.В. Филиппов. - М., Издательство «Европа», 2006. - (Политучеба).

16. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку: Учебник. - М., 1999.

17. Государственное управление и политика: Учеб. пособие., Под ред. Л.В. Сморгунова. - СПб. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

18. Манастырний А.В. Правовая политика в национально-культурном пространстве России: дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов н/Д., 2007.

Information about author:

1. Ruslan Puzikov – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; address: Russia, Tambov city; e-mail: ruslanlaw@mail.ru